УДК 8 882
ББК 83.3(2)

Д.В. ЗОЛИНА

D.V. ZOLINA

ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ В. БРЮСОВА КАК АДЕПТ АНТИЧНОЙ МИСТЕРИИ

THE LYRICAL CHARACTER OF V. BRYUSOV AS AN ADHERENT OF ANCIENT MYSTERY

В данной статье рассмотрено обращение В. Брюсова к основным античным мистериям (Элевсинским, Египетским и Орфическим) в его поэзии, рассмотрены позиция лирического героя поэзии Брюсова как адепта и последователя этих мистерий и рефлексия лирического героя своего мистериального посвящения.

In this article Bryusov's appeal to the main ancient mysteries (Eleusian, Egyptian and Orphic) in his poetry is discussed. The position of the lyrical character of Bryusov's poetry as an adherent and a successor of these mysteries and a reflection of the lyrical character on his mystical initiation is represented in the article.

Ключевые слова: мистерии, Брюсов, поэзия, античность, посвящение, символ.

Key words: mysteries, Bryusov, poetry, antiquity, initiation, symbol.

Общеизвестно, что русский литературный символизм проявлял пристальный интерес к герметическим знаниям античности. Мистерии как способ передачи этих знаний были одним из особенно занимающих его феноменов. Исследователи уже отметили этот факт, подчеркнув очень интересующую нас особенность: «<…> форма античной мистерии, актуализированная Ф. Ницше и подхваченная русскими символистами» понималась ими *«как священнодействие»* [курсив мой. – *З.Д.*] [3, с. 10].

Важно помнить, что античная мистерия, наполнившись новым содержанием в христианстве и претерпев разного рода изменения, в том числе и секулярные в средневековье, особенно в Возрождении, все же сохранила своё назначение в качестве акта посвящения в божественную мудрость мироустройства, в знания об истинном предназначении человеческой души в её земном и потустороннем существовании. В таком восприятии она возродилась в культуре Нового времени и особое внимание привлекла к себе во второй половине XIX века, в период борьбы с позитивизмом, и на рубеже XIX–XX веков.

Издревле мистерия подразумевала под собой тайное священнодействие, посвящённое божествам. Самыми известными и значимыми были египетские мистерии (в честь Озириса и Изиды), элевсинские мистерии и орфические. Н.И. Новосадский не раз упоминал о тайном содержании мистерий: «…в них проводилось особое учение, освещавшее те запросы мысли древнего Эллина, на которые не давала решения общая, всем открытая эллинская религия» [6, с. 155]. Практически вся античная философия (Гераклит, Пифагор, Платон, Плотин и др.) указывала на античные мистерии как на способ постижения герметических учений о сущностных основах миропорядка и места человека в нем. Несмотря на различные названия мистерий их цель едина – духовное просветление (посвящение) на пути к познанию Истины. Назначение этого священного действа и составляло суть мистерий на протяжении тысячелетий.

В наиболее древних, египетских мистериях ключевую роль играло воскрешение бога Озириса, в которого должен был «переродиться» посвящаемый, предварительно пережив его «космический процесс»: «Человек, стремящийся к высшему бытию, должен микрокосмически повторить в себе макрокосмический мировой процесс Осириса» [8, с. 80]. Мистерии в древ-

негреческом Элевсине были посвящены Деметре, которая ассоциировалась с египетской богиней Изидой. Путь Персефоны в земной и загробный мир и обратно, к божественному началу – Деметре, олицетворял путь человеческой души. В орфических мистериях, посвящённых Дионису, осуществлялось духовное преображение посвящаемых и их приобщение к тайнам мироздания: «…раз побывав в подземном мире, он [Орфей. – *З.Д.*] приобщился к его тайнам; их он и поведал посвящённым в его орфические таинства» [5].

В античных мистериях посвящаемые и посвящённые (мисты) ассоциировались с «зёрнами» или «семенами», которые должны были совершить «круговорот души», который Э. Шюре объяснял как «инволюцию духа в материю путём мирового творчества и его эволюцию, или восхождение к единству посредством индивидуального творчества, которое осуществляется благодаря развитию сознания» [9, с. 240].

Короткая справка о мистериях и ссылки на эзотериков приведены не случайно, поскольку эта и подобная литература неизменно находилась в круге брюсовского чтения. Увлечение Брюсова античностью, в том числе и её мистикой, как, впрочем, и всех символистов, было отнюдь не мимолётным. Исследованием увлечённости Брюсова античностью и её претворением в его поэзии занимались С.А. Хангулян («Античность в поэтическом творчестве Валерия Брюсова: дооктябрьский период», 1990; «Опыты Валерия Брюсова в античной метрике и ритмике», 1996), А.Ю. Фомин («Античные мотивы в поэзии В.Я. Брюсова: (к вопросу о месте античности в идейно-эстетической системе русского символизма», 1992), в прозе античность у Брюсова исследовали Н.М. Хачатрян («Кризис античности в романах Брюсова «Алтарь Победы» и «Юпитер Поверженный», 2004), А.И. Малеин («Валерий Яковлевич Брюсов и античный мир», 1973), М.Л. Гаспаров («Брюсов и античность», 1975). Художественное освоение проблемы кризиса античной эпохи в произведениях Брюсова исследовано в работах М.В. Покачалова («Эллинистические мотивы в цикле стихотворений В.Я. Брюсова «В Армении», 2006; «Проблема кризисов и гибели античной культуры в творчестве русских символистов», 2000). В исследованиях О.К. Страшковой («Дух музыки» в художественной рецепции В. Брюсова и драматургов-модернистов», 2006) и О.О. Хрусталевой («Античный миф в драматургии русских символистов», 1988) рассмотрены взаимоотношения Брюсова-драматурга с античными идеями, мифами и театром. Изучением истоков мистериальности «серебряного века», в том числе и у писателей модернистов, занималась Г.В. Варакина («Мистериальные истоки русского синтетизма в культуре «серебряного века», 2009). Так же теме античности в творчестве Брюсова посвящены работы Ю.А. Бондаренко, С. Гиндина, С.В. Шервинского и других. Несмотря на широкий круг исследований и глубокое изучение творчества Брюсова, лирический герой его поэзии как адепт античных мистерий рассмотрен не был. Век спустя, на рубеже XX и XXI веков, когда происходит смена мировоззренческой парадигмы, вновь популяризируются эзотерические и оккультные знания, что приводит к появлению новых и актуализации старых источников для изучения жизни и творческого пути Валерия Брюсова.

«Писать не трудно. Я бы мог много романов и драм написать в полгода. Но надо, но необходимо, чтобы было, что писать. Поэт должен *переродиться* [курсив мой. – *Д.З.*], он должен на перепутье встретить ангела, который рассёк бы ему грудь мечом и вложил бы вместо сердца пылающий огнём уголь» записал Брюсов в своём дневнике в 1897 году [2, с. 44]. Желание перерождения могло реализоваться как раз в мистериальной процедуре, пройдя её, поэт мог достичь желаемого внутреннего преобразования и приобщиться к древним сакральным знаниям. Не просто так в словах Брюсова звучит сравнение с пушкинским «Пророком», именно Пушкин показал мистическое преображение поэта, к чему и стремился Брюсов. В одном из своих стихотворений Брюсов даёт понять, что все великие поэты хранили единую тайну духовного священного пути, их он считает посвящёнными: «Нет, мы не толь-

ко творцы, мы все и хранители тайны! // В образах, в ритмах, в словах есть откровенья веков. …Пиндар, Вергилий и Данте, Гете и Пушкин – согласно // В явные знаки вплели скрытых намёков черты» [1, с. 544]. Античная мистерия являлась способом достижения такого состояния сознания, когда оно освобождалось от всякой материальной зависимости с целью получения опыта духовного посвящения и приобщения к древним знаниям. Мистерия, как древнейшая процедура, ведущая к посвящению в божественную истину, эстетически переживалась поэтом и реализовывалась им в творчестве.

В поэзии Брюсова есть стихотворения, в которых лирический герой отождествляет себя с посвящаемым в таинства, посвящённым в мистерии, жрецом, тавматургом, постоянно рефлексирующим свой путь посвящения. На мистериальное содержание указывают сами названия некоторых стихотворений («Жрец Изиды» 1900, «К Деметре» 1904, «Ученик Орфея» 1918, «Посвящение» 1920 и другие), в некоторых стихотворениях намёк на причастность к мистериям героя-адепта, его восприятие процесса посвящения, можно обнаружить при пристальном прочтении самого поэтического текста («Я» 1899, «Начинающему» 1906, «Сеятель» 1907, «Зерно» 1909, «Всхождение» 1914, «Пятьдесят лет» 1923 и другие).

В стихотворении «К Деметре» лирический герой взывает к прародительнице человеческих душ: «Низойди в свой мир, Деметра, // Воззови уснувших, мать!», «Где вы, дремлющие зерна», «Зерна страсти и мучений, // Всколоситесь, как напев!», «Званы вы на пир вселенной!» [1, с. 383]. Лирический герой декларирует торжественный гимн в честь мистериального преобразования человека. Задача человека в том, чтобы пробудить в себе божественное начало, он должен прозреть, как злак. Об этом «освобождении зачарованного Бога» собственной творческой, божественной силой писал Штейнер: «Выявить их (силы), сделать через это человека подобным божеству, вот задача мистерий» [8, с. 40]. В дополнение, к пояснению сути мистерий, Штейнер ссылается на греческих философов, в частности на Платона: «Эту же задачу ставили себе и греческие мудрецы, и тогда понятны нам слова Платона, что «кто спустится в преисподнюю непосвящённым и неосвящённым, тот погружен будет в тину; очищенный же и посвящённый, придя туда, обитает с богами» [8, с. 40]. Посвящённые в мистерии знали, что смерть – это не конец, это трансформация, переход в тот божественный мир, откуда когда-то они пришли. Трепетное и вдохновлённое отношение к мистериальному процессу отражают слова и интонация героя-адепта.

В стихотворении «Зерно» лирический герой предстаёт нам как новопосвящённый в элевсинские мистерии. Он отождествляет себя с «зерном», адептом этих мистерий. Его душа окутана сном предчувствий. Это сон, сквозь который посвящаемый предугадывает будущие испытания, и воскресение своей души: «Лежу в земле, и сон мой смутен…», «Шёл бодрый сеятель, и мы // Во гроб ложились, терпеливо», «Лежу в могиле, умираю, …И всё страшней мой чёрный сон…» [1, с. 26]. Страх окутывает лирического героя. Он погружен в материю, над которой простирается бескрайний космос. С небес за земным миром посвящаемого наблюдает «звёзд лучистый взор». Он в сомнениях, уже отрёкся от преходящего, но откроется ли перед его взором божественный свет высших сфер? Сомнения и страх тесно переплетаются с чувством смирения и покорности. Назад пути нет, он должен исполнить до конца своё предназначение.

Чувство неуверенности и сомнений у лирического героя как адепта мы видим во многих мистериальных стихотворениях. В стихотворении «Всхождение» лирический герой задаётся следующим вопросом: «И что там, в высоте? божественный покой, // Где снимет предо мной Изида покрывало?// Иль чёрное кольцо и только свод глухой, // И эхо прокричит во тьме: «Начни сначала!» [1, с. 335]. Несмотря на глубокие переживания и чувство полного одиночества, он все равно стремится дойти до конца, древние тайны и знания влекут его, он чувствует и осознает их силу. Лирического героя ожидают

«весы», которые решат его судьбу: снимет ли Изида перед ним покрывало, как перед посвящённым, или же придётся снова начинать с самого начала свой путь. Герой-адепт декларирует избранный путь в своих словах и настроениях, нет ни пустых слов, ни лишних мыслей, все строго продуманно и символично.

Лирический герой Брюсова пытается переродиться для высшего мира, стать божеством, творцом. Он полон сомнений, но все равно старается достичь этого обновлённого божественного состояния: «Вот брошен я какой-то силой на новый путь», «И лестница все круче... // Не оступлюсь ли я», «Ищу тропу, // Иду по ней и к тайнам мира», «И я один в беззвучном зале… В бездонном мраке нет дорог», «время снова мне стать учеником», «Огонь мой, дослужи! нога, не оступись!..Иль этот адский винт, и правда, беспределен?» [1, с. 10, 268, с. 335]. Автор стилизует свои стихотворения под мистериальную процедуру. Слова лирического героя символичны, и только приближенный к мистерии поймёт, что скрыто в его речах. Брюсов обращает лирического героя к сути мистерий, как к единой мистерии, благодаря которой герой может раскрыть свой творческий и духовный потенциал, переродиться. Выбрав эту тропу, герой оказывается прав: «Пришелец. В мире все на время правы, // Но вечно прав лишь тот, кто держит высь!» [1, с. 180]. Только этот трудный и тернистый путь ведёт к душевным преобразованиям, к новым уровням бытия и сознания.

В стихотворениях Брюсова лирический герой предстаёт зачастую как жрец, «Орфей, сын бога, мой учитель», «Я – жрец Изиды Светлокудрой», «Как жрец, приветствуя мгновения, Великий праздник первых встреч», «Нет, мы не только творцы, мы все и хранители тайны!», «И се – я, тавматург, пред новой тайной, // Клоню колена пред тобой, Поэт!» [1, с. 10, 396, 544, 86]. Лирический герой представляет себя уже посвящённым, переродившимся и познавшим истины бытия. Адепт воспевает этот мистериальный путь, он стремится к преображению и представляет себе, как это, быть посвящённым.

Цель поэта в транслировании полученных в процессе мистерии знаний в качестве теурга, посвящённого. Речь лирического героя наполнена возвышенными и торжественными интонациями, передающими весь его трепет перед мистерией. Твёрдая решимость и одухотворённость сквозит в его словах. Лирический герой Валерия Брюсова восторженно переживает предстоящий путь посвящения, его речь полна пафоса и патетичных высказываний. Сама мистерия «сообщает» ему храмовый слог. Герой-адепт верит в неоспоримую важность своего пути и конечной цели, у него нет сомнений в истинности священного процесса «восхождения» к высшим мирам. Но он не уверен в собственных силах, «не оступлюсь ли я». Поэзия сама становится мистериальным путём автора. Создавая свои стихотворения, поэт творит варианты духовного преображения, пытается пройти собственную мистерию.

Литература

1. Брюсов, В.Я. Собр. соч. [Текст] : в 7 т. / В.Я. Брюсов ; под общ. ред. П.Г. Антокольского [и др.]. – М. : Худож. лит., 1973. – Т. I, II, III.
2. Брюсов, В.Я. Дневники. Автобиографическая проза. Письма [Текст] / В.Я. Брюсов. – М. : ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2002. – 415 с.
3. Варакина, Г.В. Мистериальные истоки русского синтетизма в культуре «серебряного века» [Текст] : дис. … д-ра культур. наук / Г.В. Варакина. – Кострома, 2009. – 341 с.
4. Зелинский, Ф.Ф. Религия эллинизма [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/z/zelinskij_f_f/text_0240.shtml.
5. Зелинский, Ф.Ф. История античной культуры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/z/zelinskij_f_f/text_0020.shtml.
6. Новосадский, Н.И. Элевсинские мистерии: Исследование в области древнегреческих мистических культов [Текст] / Н.И. Новосадский. – Изд. 2-е испр. – М. : Книжный дом «Либроком», 2011. – 184 с.

7. Фомин, А.Ю. Античные мотивы в поэзии В. Я. Брюсова (к вопросу о месте античности в идейно-эстетической системе русского символизма) [Текст] : автореф. дис. … канд. фил. наук / А.Ю. Фомин. – М., 1992. – 25 с.
8. Штейнер, Р. Христианство как мистический факт и мистерии древности [Текст] / Р. Штейнер. – Ереван : Ной, 1991. – 152 с.
9. Шюрэ, Э. Великие Посвящённые: Очерк эзотеризма религий [Текст] / Э. Шюрэ. – М. : София, 2008. – 480 с.
10. Ямвлих. О египетских мистериях [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lib.ru/URIKOVA/misteria.txt.